

а именно в том, что, восстановившись на престоле, он канонизировал сына Василия I Константина, умершего в 879 г., и даже освятил церковь в его имя⁸⁶, — случай уникальный в византийской истории. Хотя Никита, по всей вероятности, и стигил здесь краски⁸⁷, какие-то реалии могли скрываться за подобным обвинением. И если Р. Кормак и Э. Хоокинс полагают, что мозаика должна была быть выполнена при жизни Константина, после смерти которого она якобы теряла свою актуальность, то, во-первых, это не противоречит патронажу Фотия, за два года до этого уже восстановленного в сане патриарха, а во-вторых, скорее на мемориальное значение этой мозаики могло бы указывать сообщение Пафлагонянина. И наконец, следует иметь в виду, что сама тенденция тесного сотрудничества с императорским дворцом столь же характерна была для Фотия, сколь и чужда идеологии игнатриан⁸⁸. Следовательно, и эта деталь декорации, если вообще допускать подобную ее интерпретацию, безусловно противоречит патронажу Игнатия и вместе с тем вновь приводит нас к фигуре Фотия.

Но при всех допущенных просчетах и ошибках многое в результатах Р. Кормака и Э. Хоокинса представляет несомненный интерес, и, безусловно, наиболее ценным остается вывод о связи декоративной программы с рекомендациями Синодика Православия. Весьма красноречиво перекликается он и с предполагаемым К. Манго пониманием догматического замысла ансамбля. В обоих случаях налицо плоды достаточно непредвзятого подхода к иконографическому материалу, и если общим местом для исследователей выступает тяготение к чисто археологической трактовке проблемы, то тем более знаменательно близкое совпадение выводов, полученных благодаря отклонению от этой чрезвычайно спорной методики.

* * *

Давая критическую оценку полученным на сегодняшний день исследовательским результатам, конечно, нельзя ограничиться лишь простым выявлением их негативных моментов. В лице К. Манго мы имеем дело с исследователем столь авторитетным, что обнаруженная логическая непоследовательность развиваемых им построений выглядит по меньшей мере парадоксальной. И уже это само по себе наводит на мысль, что проблематичность обсуждаемого подхода не сводится к одной его логической некорректности: последняя должна иметь, по всей вероятности, какие-то более глубокие предпосылки.

Попытаемся разобраться в них. Противоречивость конечных выводов, как мы видели, оказалась обусловлена неоднородностью исследовательских процедур, применяемых при анализе целого и его частей. Эта неоднородность, в свою очередь, выступает следствием нарушения принципов независимого анализа данных различных категорий — эпиграфических, источниковедческих, иконографических и т. п. И наконец, само нарушение независимости основных аргументов опосредовано, как можно было убедиться, либо гипертрофированной оценкой роли письменных источников, либо едва ли не гипнотическим воздействием на исследователя вещественной осязаемости археологического материала, заслоняющей самостоятельную ценность источниковедческих и иконографических аспектов проблемы. Причем именно такой чисто археологический подход и довлеет в обоих исследованиях. В результате на переднем плане для ученого вольно или невольно оказывается археологический факт, вещь, а не событие, которое за ней стоит, та историческая реальность,

⁸⁶ PG, 105, col. 566.

⁸⁷ А. М. Иванцов-Платонов вообще не склонен был доверять этому сообщению (Указ. соч., с. 36).

⁸⁸ Иванцов-Платонов А. М. Указ. соч., с. 3—21.